

Предмет жалобы

В этой части формуляра (разделы E, F и G) должна быть изложена вся информация относительно фактических обстоятельств дела и сути жалоб, а также о соответствии каждой из жалоб условиям приемлемости, установленным статьей 35 § 1 Конвенции (исчерпание внутренних средств правовой защиты и правило шести месяцев). Не допускается оставлять эти разделы незаполненными или просто давать ссылку на приложения. Обратитесь к статье 47 § 2 и Практическому руководству «Подача жалобы в Суд», а также к «Инструкции по заполнению формуляра жалобы».

E. Изложение фактов

56.

1. КЮЮ, 1989 года рождения (первая заявительница), признана недееспособной решением Тосненского городского суда Ленинградской области от XXXX 2011 года (приложение 1). В августе 2016 года КЮЮ была помещена в Ленинградское областное государственное стационарное казенное учреждение социального обслуживания «Кировский психоневрологический интернат» (далее – интернат) по заявлению своей матери, с которой ранее проживала заявительница и которая ранее выполняла функции опекуна в её отношении. С указанной даты и по настоящее время заявительница проживает в данном интернате, который выполняет в её отношении функции опекуна в силу пункта 4 статьи 35 Гражданского кодекса РФ.
2. Заявитель КЮП (второй заявитель) является отцом КЮЮ. Брак между КЮП и матерью первой заявительницы расторгнут в 2012 году, с указанного времени бывшие супруги совместно не проживают, при этом заявительница КЮЮ до помещения ее в интернат в 2016 году проживала со своей матерью, сохраняя близкие отношения со своим отцом. Заявитель КЮП не знал о решении бывшего опекуна (матери КЮЮ) поместить заявительницу в психоневрологический интернат.
3. 13 октября 2016 года КЮЮ и её отец КЮП, обратились к директору интерната с заявлениями о предоставлении КЮЮ так называемого «домашнего отпуска», то есть возможности провести выходные дни по месту жительства её отца КЮП.
4. Письмом от 26 октября 2016 года директор интерната проинформировал заявителей о невозможности предоставления домашнего отпуска КЮЮ в связи с отсутствием у интерната, выполняющего функции её опекуна, права временной передачи совершеннолетних недееспособных граждан, проживающих в учреждениях социального обслуживания, в семьи, то есть за пределы интерната (приложение 2).
5. КЮП оспорил в Кировском городском суде Ленинградской области решение директора интерната об отказе в предоставлении возможности забрать для проведения домашнего отпуска свою дочь КЮЮ по своему месту жительства и обязанности не чинить препятствий в общении и предоставлении домашнего отпуска (приложение 4). Заявительница КЮЮ, не обладая гражданской процессуальной дееспособностью в силу признания ее недееспособной, не имела возможности обратиться в суд с аналогичным иском, однако по ее ходатайству она была привлечена к участию в деле в качестве третьего лица на стороне истца.
6. Решением Кировского городского суда Ленинградской области от XXXX 2017 года по делу № XX/2017 в удовлетворении искового заявления КЮП отказано на основании того, что законодательством не предусмотрена «временная передача» недееспособного гражданина за пределы учреждения социального обслуживания, в котором он проживает (приложение 7). В своем решении суд первой инстанции прямо не указал, какими нормами законов запрещена такая «временная передача» (временное выбытие гражданина, признанного недееспособным, из учреждения социального обслуживания, в котором он проживает). Между тем, в обоснование решения суд первой инстанции сослался на позицию Верховного Суда Российской Федерации, сформулированную в определении от 23 октября 2013 года по делу № 7-АПГ13-7, и согласно которой ни Гражданским кодексом РФ, ни Федеральным законом "Об опеке и попечительстве", ни Законом РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" не предусмотрена временная передача совершеннолетних недееспособных граждан, проживающих в учреждениях социального обслуживания, в семьи совершеннолетних граждан, проживающих на территории Российской Федерации (приложение 6).
7. Апелляционным определением Ленинградского областного суда от XXXX 2017 года, принятым по жалобе КЮП (приложение 8), решение суда первой инстанции оставлено в силе, при этом суд апелляционной инстанции указал, что отношения, возникающие в связи с осуществлением опеки над недееспособными гражданами, регулируются Федеральным законом "Об опеке и попечительстве", а положения, относящиеся к правам, обязанностям и ответственности опекунов, применяются к организациям, в которые помещены под надзор недееспособным граждане (приложение 9). Суд апелляционной инстанции далее указал, что согласно части 5 статьи 11 Федерального закона "Об опеке и попечительстве" опекуны не назначаются недееспособным лицам, помещенным под надзор в организации, оказывавшие социальные услуги, а исполнение обязанностей опекунов возлагается на указанные организации.

Изложение фактов (продолжение)

57.

8. Не объясняя, почему закон не допускает временное выбытие недееспособного гражданина из психоневрологического интерната, суд апелляционной инстанции тем не менее указал, что в соответствии с частью 1 статьи 15 Федерального закона "Об опеке и попечительстве" права и обязанности опекунов определяются гражданским законодательством, а именно – статьями 35 – 37 Гражданского кодекса РФ. Кроме того, суд сослался на часть 2 статьи 7 Закона РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", согласно которой защиту прав и законных интересов лиц, признанных недееспособными, при оказании им психиатрической помощи осуществляют их законные представители (опекуны), а в случае их отсутствия – администрация психиатрического стационара либо психоневрологического учреждения для социального обеспечения или специального обучения.

9. Аналогичные выводы содержатся в определении судьи Ленинградского областного суда от 21 ноября 2017 года, принятом по кассационной жалобе КЮП (приложения 13 - 14).

10. Отказывая в передаче кассационной жалобы КЮП для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, судья Верховного Суда Российской Федерации в определении от XXXX 2018 года согласился с указанными выводами судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, поскольку действующим законодательством право пациентов, находящиеся в психоневрологическом интернате, на домашний отпуск не предусмотрено (приложения 17 - 18). При этом в определении судьи не содержатся ссылки на какие-либо конкретные правовые нормы.

11. Заявительница КЮЮ, не обладая гражданской процессуальной дееспособностью в силу признания ее недееспособной, не имела права обратиться в суд от своего имени с исковым заявлением об оспаривании решения директора интерната, однако по ее ходатайству она была привлечена к участию в деле в качестве третьего лица на стороне истца КЮП. Интересы КЮЮ первоначально представлял в суде первой инстанции адвокат Бартенев Д.Г., однако протокольным определением от XX 2017 года судом первой инстанции отказано в допуске в качестве представителя третьего лица КЮЮ адвоката Бартенева Д.Г. в связи с отсутствием соглашения законного представителя КЮЮ – Кировского психоневрологического интерната (приложение 5, с. 2).

12. КЮЮ обжаловала решение Кировского городского суда Ленинградской области от XX 2017 года в апелляционном порядке (приложение 10), ссылаясь, в частности, на то, что отказ суда первой инстанции в допуске адвоката для оказания ей юридической помощи нарушил часть 5 статьи 37 Гражданского процессуального кодекса РФ (в редакции Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 67-ФЗ), согласно которой права, свободы и законные интересы граждан, признанных недееспособными, если иное не предусмотрено указанным кодексом, защищают в процессе их законные представители, однако суд вправе привлечь к участию в таких делах граждан, признанных недееспособными.

13. В связи с отказом интерната, как законного представителя КЮЮ, подписать поданную ею апелляционную жалобу, она была оставлена без движения и позднее возвращена судом определением от XX 2017 года (приложение 11). Частная жалоба КЮЮ на определение суда о возвращении апелляционной жалобы оставлена без удовлетворения определением Ленинградского областного суда от XXX 2017 года (приложение 12), в связи с чем апелляционная жалоба КЮЮ на решение суда от XX 2017 года не была рассмотрена по существу. В обоснование невозможности подачи КЮЮ апелляционной жалобы на решение суда от своего имени Ленинградский областной суд сослался на часть 5 статьи 37 Гражданского процессуального кодекса РФ.

14. Решение суда от XX 2017 года было также обжаловано КЮЮ в кассационном порядке (приложение 15), однако определением судьи Ленинградского областного суда от XX 2017 года кассационная жалоба возвращена без рассмотрения по существу на основании пункта 2 части 1 статьи 379.1 ГПК РФ как поданная лицом, признанным недееспособным (приложение 16).

15. КЮЮ обжаловала указанные судебные акты в кассационном порядке в Верховный Суд Российской Федерации, указывая, что ею были исчерпаны все установленные ГПК РФ способы обжалования судебного решения по смыслу части 2 статьи 376 ГПК РФ, а отказ нижестоящих судов в рассмотрении по существу жалоб КЮЮ на решение суда от XX 2017 года противоречит смыслу части 5 статьи 37 ГПК РФ (приложение 19). Тем не менее, письмом сотрудника аппарата Верховного Суда Российской Федерации от XX 2018 года кассационная жалоба КЮЮ возвращена без рассмотрения по существу на основании пункта 5 части 1 статьи 379.1 ГПК РФ как поданная с нарушением правил подсудности, установленных статьей 377 названного Кодекса в связи с тем, что она не рассматривалась в президиуме Ленинградского областного суда (приложение 20).

Изложение фактов (продолжение)

58.

Г. Изложение имевших место нарушений Конвенции или Протоколов к ней и подтверждающих доводов

59. Статья
Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность)

Пояснения
Содержание первой заявительницы в психоневрологическом интернате является формой ограничения свободы, поскольку вопреки собственному волеизъявлению она лишена возможности самостоятельно покинуть здание и территорию интерната (см. *Stanev v. Bulgaria* (GC), 17.01.2012, no. 36760/06). Такое лишение свободы, хотя и обусловлено легитимной целью, противоречит Конвенции, так как, во-первых, не основано на законе и, во-вторых, не сопровождается судебной проверкой. В частности, в российском законе отсутствует конкретная правовая норма, определяющая основания и порядок принудительного удержания в интернате недееспособного лица. Кроме того, такое принудительное содержание не требует судебного решения и периодического пересмотра его необходимости. Фактически российские власти исходят из того, что сама по себе недееспособность является основанием для содержания под "надзором", то есть лишения свободы в условиях интерната (см. *Shtukaturov v. Russia*, no. 44009/05, ECHR 2008). Таким образом, имеет место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении первой заявительницы.

Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни)

Ограничивая возможность свободного общения первой заявительницы, признанной недееспособной и проживающей в психоневрологическом интернате, с другими людьми, исходя из её собственных предпочтений и в выбранном ей месте, а также ограничивая возможность общения обоих заявителей только в пределах здания (территории) интерната, не допуская при этом возможности совместного общения заявителей и проведения ими досуга в выбранном ими способом или в выбранном ими месте (например, в кафе, в гостях по месту жительства второго заявителя и пр.), российские власти нарушают право заявителей на уважение частной и семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции. Такое вмешательство в указанное право является произвольным, поскольку в российском законе отсутствует норма, запрещающая общение недееспособного жителя интерната с родственниками вне территории интерната. Необходимость такого вмешательства не сопровождается судебным контролем. Кроме того, такое вмешательство в право на уважение частной и семейной жизни не является пропорциональным, поскольку основано исключительно на самом факте юридической недееспособности проживающего в интернате. Таким образом, имеет место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении обоих заявителей.

Статья 13 (право на эффективное средство правовой защиты)

Первая заявительница не имеет возможности оспорить в судебном порядке свое принудительное содержание в интернате (нарушение статьи 5 Конвенции), а также невозможность общения со своим отцом вне территории интерната (нарушение статьи 8 Конвенции), поскольку в силу признания ее недееспособной только ее опекун, то есть сам интернат, может обратиться в суд от ее имени. Несмотря на наличие конфликта интересов между первой заявительницей и ее опекуном, российские суды отказались рассмотреть жалобы первой заявительницы на нарушение ее прав, гарантированных Конвенцией. Таким образом, у первой заявительницы отсутствует эффективное средство защиты ее прав, в связи с чем имеет место нарушение статьи 13 Конвенции в её отношении.

Статья 14 (недопустимость дискриминации)

Первая заявительница полагает, что она стала жертвой дискриминации по признаку инвалидности в отношении прав, гарантированных статьями 5 и 8 Конвенции. Единственным основанием ограничения указанных прав является недееспособность заявительницы в силу ее психического расстройства. Такая разница в обращении является дискриминацией по признаку инвалидности, поскольку фактически основана на презумпции необходимости изоляции (содержания под "надзором") любого индивида, лишённого дееспособности в силу психического расстройства. Таким образом, имеет место нарушение статьи 14 в совокупности со статьями 5 и 8 Конвенции в отношении первой заявительницы.

Изложение имевших место нарушений Конвенции или Протоколов к ней и подтверждающих доводов (продолжение)

60. Статья

Пояснения

Г. Соответствие жалобы условиям приемлемости, установленным статьей 35 § 1 Конвенции

Для каждой жалобы подтвердите, что Вы использовали все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты, включая судебное обжалование, а также укажите даты вынесения и получения окончательного решения, чтобы подтвердить соблюдение шестимесячного срока.

<p>61. Жалоба В отношении первой заявительницы: Статья 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) и статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни), а также статья 13 (право на эффективное средство правовой защиты) и статья 14 (недопустимость дискриминации)</p>	<p>Информация об использованных средствах правовой защиты и дате окончательного решения</p> <p>1. Поскольку первая заявительница не имеет права сама обратиться в суд с заявлением об оспаривании ограничения ее свободы, а также права на уважение частной и семейной жизни в интернате, носящее длящийся характер, она попыталась оспорить такое ограничение, выступая в качестве третьего лица в судебном процессе в Кировском городском суде Ленинградской области, инициированном её отцом (вторым заявителем). Поскольку решением Кировского городского суда Ленинградской области от XX 2017 г. было отказано в удовлетворении требований второго заявителя, ссылавшегося, в том числе, на незаконное ограничение свободы первой заявительницы и права на уважение частной и семейной жизни обоих заявителей, первая заявительница, привлеченная к участию в деле в качестве третьего лица, попыталась оспорить это решение суда в апелляционном порядке. При этом заявительница исходила из того, что поскольку она была привлечена к участию в деле на основании ч. 5 ст. 37 ГПК РФ в качестве самостоятельного участника процесса наряду с ее опекуном (интернатом) - ответчиком по делу, у нее имеется право на самостоятельное обжалование судебных актов. Какой-либо судебной практики или иных разъяснений относительно судебного применения ч. 5 ст. 37 ГПК РФ не имеется. 2. Тем не менее апелляционная жалоба первой заявительницы была возвращена определением районного суда XX 2017 года как поданная недееспособным лицом, а частная жалоба заявительницы на данное определение была отклонена Ленинградским областным судом определением от XX 2017 года. Кассационная жалоба первой заявительницы на указанные судебные акты была возвращена без рассмотрения Ленинградским областным судом определением от XX 2017 года опять же по причине недееспособности заявительницы. 3. Кассационная жалоба в Верховный Суд Российской Федерации была возвращена письмом сотрудника аппарата от XX 2018 года без рассмотрения по существу по причине того, что ранее кассационная жалоба заявительницы не рассматривалась в президиуме Ленинградского областного суда. Данное решение является окончательным по смыслу статьи 35 Конвенции. При этом заявительница отмечает, что ограничение ее прав, гарантированных статьями 5 и 8 Конвенции, носит длящийся характер и продолжается по настоящий момент, в связи чем просит Суд признать, что даже если использованные ею процедуры судебной защиты ее прав не были эффективными, жалоба тем не менее подана с соблюдением шестимесячного срока. 4. По этим же причинам является приемлемой, с точки зрения соблюдения шестимесячного срока, жалоба заявительницы на нарушение ее прав, гарантированных статьями 13 и 14 Конвенции. При этом заявительница отмечает, что в своих жалобах в национальные суды она неоднократно заявляла о том, что является жертвой дискриминации по признаку инвалидности.</p>
<p>В отношении второго заявителя: Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни)</p>	<p>5. Второй заявитель обжаловал в апелляционном порядке решение Кировского городского суда Ленинградской области от XX2017 г. об оспаривании ограничения его права на уважение частной и семейной жизни в связи с невозможностью общения с дочерью вне стен интерната. Апелляционная жалоба была отклонена определением Ленинградского областного суда от XX 2017 года. Кассационная жалоба второго заявителя отклонена определением судьи Ленинградского областного суда от XX 2017 года, а последующая кассационная жалоба в Верховный Суд РФ отклонена определением судьи от XX 2018 года. Данное решение является окончательным по смыслу ст. 35 Конвенции.</p>